

Римский митраизм

Роман Зуевский

К содержанию

Митраизмом принято называть синкретический культ, получивший широкое распространение в пределах римской империи во II-IV вв. н.э. Центральным божеством этого культа являлся Митра. Сам термин “митраизм” является новообразованием, в античности культ был известен как “мистерии Митры”, или как “мистерии Персов”. Второе название более точно передает смысл изучаемого культа – приверженцы Митры, хотя и не являлись в большинстве своем персами в этническом смысле, однако считали себя персами по религиозной принадлежности. Вероятнее всего, прародиной митраизма является Иран. Римляне, как и всякие язычники, попадавшие на территорию чужого народа, считали своим долгом почитать его богов и так же легко отождествляли своих богов с чужими. Даже в эпоху Принципата (I до н.э. - II вв. н.э.) традиционные нормы римского государства оставались толерантными в отношении чужих культов и религий, если только они не оказывали отрицательного влияния на римские обычаи или традиции. Существовал чисто римский религиозный обряд эвокации (букв. «призывания»), заключающийся в обращении к чужеземным богам с предложением перейти на сторону римлян. Более того, акт персонификации богов стал здесь результатом достаточно позднего развития. Поэтому эвокация иноземных богов стала в Риме привычным делом. Так в их пантеон вошли боги и культы ряда народов Западного и Восточного Средиземноморья. Наиболее сильное влияние на формирование языческого пантеона римлян оказали эллины, главные боги которых были восприняты вместе с их мифами, иконографией и обрядами. Возникло сложное явление религиозного синкретизма – объединения в одном образе различных элементов других культов, представлений и идей. В эпоху Империи в Риме, кроме Митры, широкое распространение получили египетская Исида, малоазийские Атгис. Первое упоминание о митраизме у римских авторов мы находим в написанном Плутархом жизнеописании Помпея [Плутарх «Помпей» XXIV].

В соответствии с представленными в ней сведениями, появление митраизма на территории Римской империи относится к середине I в. до н.э. Однако археологические памятники, относящиеся к митраизму, появляются только в конце I в. н.э. В связи с этим встает проблема определения времени происхождения данного культа. С одной стороны, можно предположить, что первое время существования культа памятники могли не создаваться вовсе, либо при их создании использовались недолговечные материалы [1]. Косвенные свидетельства, подтверждающие вторую гипотезу, были обнаружены в недавних находках на северо-западе Римской империи: здесь открыты руины митреумов, построенных из древесины. Практически синхронное повсеместное появление памятников, рассеянных на большом расстоянии и созданных по одному образцу, датируется концом I в. н.э. Это обстоятельство не позволяет нам определить точное место зарождения митраизма и пути его последующего распространения. Однако гипотетически мы можем предположить существование периода развития митраизма, когда культовые здания либо не сооружались, либо для их создания использовались недолговечные материалы. Только с дальнейшим исследованием проблемы можно добиться определенной точности в датировке возникновения данного культа во временных рамках конца I в. до н.э. и конца I в. н.э. Еще одной проблемой является прояснение истоков митраистского культа. Очевидно, что он является по своей сущности синкретическим. В митраистской иконографии обнаруживается влияние значительного количества религиозных систем, и трудно это интерпретировать так, чтобы создалась определенная закономерность. Были ли эти элементы приобретены в процессе “миграции” культа со своей прародины на территорию Римской империи, или же культ в процессе формирования в самой империи постепенно вобрал их в себя? До Массачусетского конгресса 1971 года давался ответ на этот вопрос в соответствии с классическими работами Ф. Кюмона и его ученика М. Вермасерена: митраизм произошел от маздаизма.

Современные исследователи, занимающиеся изучением митраизма, более осторожны в своих заключениях. Даже если римский митраизм и произошел от маздаизма или иной дозораострийской иранской религиозной системы, в нем заметно также яркое малоазийское, вавилонское и эллинистическое влияние. И это либо указывает нам маршрут миграции культа Митры, либо говорит о появлении митраизма в то время и в том месте, где подобный синтез был возможен. Роджер Бекк предлагает решение данной проблемы через анализ пантеона Антиоха I Коммагенского – и возможное распространение царского пантеона Антиоха в Римской империи[2]. В любом случае, необходимо было определенное время для возникновения большого числа адептов культа из числа иммигрантов. Этот инкубационный период развития митраизма в Римской империи без его фиксации в материальных и письменных памятниках сменился в конце I в. н.э. появлением целого массива иконографических и эпиграфических материалов.

Особняком стоит проблема изучения социального состава общин митраистов в Римском государстве. В данное время проводятся исследования, призванные показать примерное количество верующих в Риме, динамику роста митраистского культа, пути его распространения и те социальные слои, в которых культ Митры находил наибольшую поддержку. По надписям в митреумах можно сделать косвенный вывод о принадлежности ее автора к тому или иному общественному слою или этнической группе, социальном статусе и количестве посвященных.

Поскольку основными источниками являются археологические памятники с элементами иконографического и эпиграфического характера, возникают трудности в их интерпретации при реконструкции доктрины митраизма. В зависимости от взглядов на происхождение данной религии, по вопросу о сущности того или иного памятника могут даваться разные, порой противоположные ответы. Тем не менее, изучение митраистской иконографии и эпиграфики позволяет все же в какой-то мере реконструировать религиозную систему, в наибольшей степени повлиявшую на формирование доктрины и культа.

Таким образом, современные исследователи сталкиваются с рядом вопросов, решение которых возможно только на основе междисциплинарного подхода к данной проблеме.

Глубокое сходство между митраизмом и ранним христианством признается большинством ученых, которые пытаются при изучении культа Митры пролить свет и на проблему происхождения

христианства. При этом выдвигаются совершенно разные концепции, объясняющие сходство между этими религиями: от идеи заимствования до теории схождения социокультурной среды их формирования. Были и совершенно очевидные спекуляции на данной проблеме — обвинения как митраизма, так и античного христианства в религиозном плагиате. Действительно, объяснить серьезное сходство между монотеистическим христианством и языческим культом Митры позднеримской империи непросто.

Пика популярности и своего максимального расцвета митраизм достиг в эпоху «солдатских императоров», т.е. в третьем столетии нашей эры. Приверженцами митраизма являлись в то время не только простые граждане, но и знать, а также некоторые императоры. К сожалению, именно от этого периода своего существования Римское государство оставило наименьшее количество письменных памятников. С победой же Константина Великого (306-337гг.) и изданием Миланского эдикта 313 г. начинается закат митраизма как действующего культа империи. Постепенное угасание культа Митры прерывается в эпоху правления императора Юлиана Отступника (361-363гг.), объявившего себя митраистом. В 363 г. Юлиан неожиданно умирает и к власти вновь приходят императоры-христиане. В конце IV в. христианство окончательно утвердилось в своих позициях государственной религии империи, языческие культы были запрещены, а их практика, даже индивидуальная, наказывалась. Идеи митраизма через некоторое время проявились в манихействе, которое еще долго будоражило умы людей эпохи Средневековья. Однако сам митраизм как практический культ и самостоятельное религиозное учение перестал существовать.

Основной трудностью в изучении митраизма является состояние источниковой базы по изучаемой нами проблеме. Священные книги и тексты римского митраизма до нас не дошли, дискуссионным является сам факт их существования. Письменных документов, принадлежащих самим римским митраистам, не сохранилось. П.В. Иванов, исходя из изображения мага со свитком в руке в митреуме в сирийском полисе Дура-Европос, предполагает, что священные тексты могли существовать[3]. Среди причин исчезновения рукописей исследователи называют, во-первых, их уничтожение христианами; во-вторых, хрупкость материала, на котором они были записаны; в-третьих, стремление самих митраистов сохранить в тайне свое учение. Возможна и версия уничтожения митраистами всех документов с целью избежать физического и судебного преследования

со стороны официальных властей Рима после победы христианства. Согласно гипотезе Франца Кюмона, происхождение митраизма напрямую связано с зороастризмом. Однако использовать Авесту и изображения в митреумах для изучения и трактовки римского митраизма не целесообразно.

Таким образом, основную массу данных о римском митраизме предоставляют памятники археологии, иконографии и эпиграфики. Главными памятниками римского культа Митры являются культовые сооружения – митреумы, скульптурные и рельефные изображения, различные надписи и фрески. Митреумы обычно сооружались в пещерах. Когда это было возможно, использовались естественные пещеры. Однако в качестве митреума мог быть использован и комплекс комнат жилого дома. Первые митреумы появились в конце I в. до н.э. Еще не имевшие, видимо, прототипов, они были созданы по единому архитектурному плану в виде каменных храмовых сооружений. Существовали, вероятно, и временные сооружения, построенные из менее долговечных, чем камень, материалов, например из дерева.

Определить географию распространения митраизма в империи позволяет метод картографирования митреумов. Оказывается, что наибольшее количество памятников относится к местам дислокации римских легионов, что указывает на армию как главную среду распространения этого культа. Объяснить же существование митреумов в областях, не занятых армией в конце I ст. н.э. (к данному периоду относятся первые памятники), трудно. Обращает на себя внимание и наличие митраистских культовых сооружений в таких торговых областях, как Остия. Это означает, что армейская среда не была единственным носителем исследуемого нами культа. При интерпретации данных археологии и эпиграфики остро стоит проблема датировки каждого отдельного артефакта. Без точной информации о времени создания митреумов практически невозможно (ввиду отсутствия внутренних письменных источников) реконструкция полной картины географического распространения митраизма в Римской империи. Так, из 39 надписей, найденных в Транспаданской Галлии, датировке поддаются 10 (25,6%) (по количеству находок, относящихся к культу Митры, этот регион второй в Италии – 39 надписей, это 16,7% от общего их количества)[4]. Различные толкования митраистских символов могут варьироваться в силу полисимволичности изображений и неоднозначности вариантов перевода надписей с латыни. Со стороны официальных властей Рима после победы христианства.

Согласно гипотезе Франца Кюмона, происхождение митраизма напрямую связано с зороастризмом. Однако использовать Авесту и изображения в митреумах для изучения и трактовки римского митраизма не целесообразно.

Таким образом, основную массу данных о римском митраизме предоставляют памятники археологии, иконографии и эпиграфики. Главными памятниками римского культа Митры являются культовые сооружения – митреумы, скульптурные и рельефные изображения, различные надписи и фрески. Митреумы обычно сооружались в пещерах. Когда это было возможно, использовались естественно-временных рамок поиска аналогий ключевым эпизодам иконографии митраизма. Даже сцене тавроболии, центральной в римском митраизме, нет единой трактовки, которую безоговорочно приняли бы все исследователи. В итоге, при изучении памятников эпиграфики, являющихся основными источниками по истории римского митраизма, складывается ситуация, когда для одной надписи или одного изображения существуют несколько трактовок, претендующих на правдивость.

Тем не менее, исследование митраистских надписей и изображений, различных материальных памятников и их интерпретация в соответствии с современными знаниями о Римской империи начала нашей эры позволяют извлечь сведения по различным вопросам, связанным с культом Митры. Так, например, занимаемая митреумами площадь дает информацию о культе, размерах общин митраистов[5]. Применение методов исторической географии позволяет при изучении расположения митреумов и находок артефактов определить пути распространения культа Митры, степень его укоренения в конкретном регионе. К примеру, в среднем по размерам митреуме могло помещаться до 20-30 человек. В случае, если община митраистов расширялась и число посвященных превышало вместимость существующего митреума, строился еще один храм. Напрашивается вывод о том, что чем больше существовало митреумов, тем сильнее был укоренен культ в данном регионе.

Помимо материальных памятников митраизма начала нашей эры, мы имеем упоминания о митраизме в работах отцов церкви, например Тертуллиана, философов, например Цельса [Цельс I,9], и античных историков – например Плутарха [Плутарх «Помпей» XXIV]. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, сын римского центуриона, принявший христианство и ставший пресвитером в Карфагене, является одним из крупнейших христианских апологетов.

Его литературная деятельность относится к концу II и первой части III в. н.э. Фраза из его сочинения «О прескрипции [против] еретиков» «...дьявол, который ставит своим долгом извращать истину и всячески старается в мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии» [Тертуллиан «Об отводе возражений еретиков» XL] часто приводится учеными в исследованиях. Очевидно, что сходство между античным христианством и митраизмом было замечено современниками Тертуллиана и требовало объяснения.

Л. Апулей из Мадавы (середина II в. н.э.) – адвокат и философ – оставил значительное литературное наследие. Его произведение «Метаморфозы», получившее благодаря занимательной фабуле и пикантному изложению прозвание «Золотой осел», пользовалось значительной популярностью у современников. В книге XI автор подробно описывает обряд таинства Иисиды и чин посвящения в ее мистерии. В «Метаморфозах» есть фраза, «помолившись таким образом великой богине, я бросаюсь на шею жрецу Митры, ставшему уже моим отцом...», что косвенно говорит о тесной связи между мистериальными культами Митры и Иисиды [Апулей «Метаморфозы» XI,25].

Сочинение Цельса «Правдивое слово» является значительнейшим из дошедших до нас произведений древности, направленных против христиан. Об авторе известно только его имя – Цельс. В своем апологетическом труде в 8 книгах «Против Цельса» отец церкви Ориген перефразирует и цитирует почти всю книгу Цельса, тем самым сохранив ее для нас. Однако даже сам Ориген уже не мог в точности сказать, кем был автор «Правдивого слова». Аргументация Цельса иногда довольно остроумна, по основным вопросам он проявляет себя как последователь Платона, знакомый с остальными философскими школами. Он сопоставляет античное христианство с мистериальными культами, в том числе и культом Митры, являясь при этом беспристрастным сторонним наблюдателем.

Чаще всего исследователи митраизма обращаются к труду Плутарха (ок. 45 – ок. 127 гг. н.э.) «Vita Pompei» - жизнеописанию Помпея, входящему в состав его «Сравнительных жизнеописаний». Эта работа включает хронологически первое упоминание о культе Митры в Римской империи. Однако использование сведений приведенных выше письменных источников без перекрестной их проверки и анализа в процессе изучения митраизма необоснованно, т.к. не являясь посвященными, данные авторы не могли быть сведущими в его догматах и таинствах.

Серьезным источником могли бы быть работы Юлиана Отступника, однако в описании интересующего нас культа Митры он предельно краток.

Исследованием римского митраизма занимались многие ученые. Наиболее серьезный вклад в развитие современных представлений внес бельгийский религиовед Франц Кюмон (1868-1947). В начале XX века вышли его монографии «Мистерии Митры» (1903), «Восточные культы в римском язычестве» (1909), «Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra» (1896-1899). В этих, ставших классическими, работах, ученый описывает историю появления и механизм распространения митраизма в Римской империи, иерархию посвященных и мистерии, отношения между императорской властью и митраистами. В качестве прародины митраизма Кюмон называет Персию, а главной средой, в которой митраизм глубоко пустил свои корни, он считает римские легионы. В своих исследованиях ученый опирался на данные эпиграфики, археологии и иконографии, привлекая для анализа путей распространения митраизма и сведения римских ученых. Именно работы Кюмона положили начало научному исследованию римского митраизма. Большинство современных исследователей этой проблемы опираются прежде всего на фундаментальную монографию Кюмона «Мистерии Митры», которая в силу появившихся за более чем сто лет со времени ее написания новых данных в отдельных своих положениях устарела.

Ученик Ф. Кюмона Мартен Вермасерен, автор книг «Mithras, the Secret God» (1963), «Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae» (1956-1960) проделал большую работу по переводу митраистских надписей. В своих исследованиях этот ученый использовал большое количество новых источников, к примеру, данные археологических раскопок, труды христианских авторов античности и раннего средневековья – Григория, Тертуллиана, Порфирия и др. М. Вермасерен обосновывает восточное происхождение митраистского культа. Американский исследователь Дэвид Юланси в работе «The Cosmic Mysteries of Mithras» (1989) предложил отличную от классической теории Кюмона гипотезу происхождения римского митраизма. По его мнению, этот культ мог зародиться в самой Римской империи. Сходство же римского имени божества Митрас и индоиранского Митра является, по его мнению, не более чем созвучием имен. Тем не менее, при описании путей распространения римского митраизма Юланси следует концепции Кюмона. Ученый предложил свою оригинальную трактовку тавроболии –

центрального сюжета в римском митраизме с помощью астрономических данных. Он полагает, что в основу сцены убийства быка положен не образ Митры, а явление астрономической прецессии.

В работах ученых Ван-дер-Вардена («Культ Митры и солнечная теология») и Х.С. Джонса (статья, посвященная митраизму в энциклопедии религии и этики, изданной в 1914 году) разрабатываются отдельные вопросы римского митраизма. В целом работы этих ученых написаны в русле работ Кюмона.

Затрагивает тему митраизма и Мирчо Элиаде. Так, в книге «История веры и религиозных идей» (Париж, 1976 г. – переиздано в Москве в 2002 г.) несколько глав посвящено феномену римского культа Митры. В целом взгляды Элиаде на феномен митраизма также не отличаются от позиции Кюмона. В 1971 году в Массачусетсе прошел Первый международный конгресс исследователей митраизма. На нем фактически впервые была всерьез подвергнута сомнению гипотеза Кюмона о происхождении культа римского Митры на основе маздаизма. С этого времени исследование феномена римского митраизма происходит в ключе поиска новых подходов, большое внимание стало уделяться междисциплинарному синтезу.

Изучение митраизма, как и многих других мистериальных культов ориентального происхождения, получивших широкое распространение в период поздней античности и определявших в значительной мере религиозную жизнь поздней Римской империи, не относилось к приоритетным направлениям научных исследований в СССР. Ситуация, однако, изменилась. В последние десятилетия отмечается значительный рост интереса к данной проблематике со стороны как историков-антиковедов, так и религиоведов-философов. При этом выяснились существенные различия в подходах к интерпретации отдельных аспектов идеологии и культовой практики митраизма историками и философами. Отчасти это обусловлено спецификой применяемой методологии. Философы-религиоведы рассматривают митраизм (культ Митры) как целостное явление, существующее во временных рамках от возникновения маздаизма до исторической победы христианства. Для историков-антиковедов римский культ Митры не тождественен митраизму. Митраизмом в современном антиковедении принято называть синкретический культ, получивший широкое распространение в пределах Римской империи в I–IV вв. н.э. и испытавшем влияние не только иранской, но и малоазийской, сирийской, вавилонской традиций, а также различных

направлений эллинистической философии (стоицизм, платонизм)[6]. Нет единой точки зрения среди исторического сообщества и по вопросу генетической связи римского митраизма с иранским культом Митры. Учитывая специфику источниковедческой базы римского культа Митры, необходимо проведение междисциплинарных исследований для поиска ответов на эти ключевые вопросы. В итоге может стать возможным и даже необходимым переосмысление свода знаний о митраизме, которым мы сейчас обладаем. В последние годы на постсоветском пространстве появились новые работы, посвященные культу Митры. Наиболее плодовитым автором является кандидат исторических наук Павел Глоба, который издает специальный журнал «Митра». Исследователь подготовил серию книг, в том числе и «Митра – Бог Света и Разума» (Мн., 2000 г.). Данный исследователь в первую очередь обращает внимание на астрологические аспекты, сущность митраизма, его происхождение. Истоки римского культа Митры П. Глоба связывает с зороастризмом. Другой российский исследователь П.В. Иванов написал серию статей, посвященных римскому митраизму. Для нас интерес представляет работа «Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики)», в которой дается оригинальная трактовка центральных иконографических сюжетов митраизма. Автор обращает внимание на социальный состав общин митраистов. Современный белорусский ученый [А. Козленко](#) в статье «Солярная теология императорского культа» (Мн., 2000 г.) показывает роль митраизма в становлении императорского культа в эпоху «солдатских императоров» — третьего столетия новой эры. Главное внимание этот исследователь уделяет военно-политическим аспектам распространения митраизма в Римской империи и иерархическому делению общин митраистов. римского культа Митры П. Глоба связывает с зороастризмом. Другой российский исследователь П.В. Иванов написал серию статей, посвященных римскому митраизму. Для нас интерес представляет работа «Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики)», в которой дается оригинальная трактовка центральных иконографических сюжетов митраизма. Автор обращает внимание на социальный состав общин митраистов. Современный белорусский ученый А. Козленко в статье «Солярная теология императорского культа» (Мн., 2000 г.) показывает роль митраизма в становлении

лении императорского культа в эпоху «солдатских императоров» — третьего столетия новой эры. Главное внимание этот исследователь уделяет военно-политическим аспектам распространения митраизма в Римской империи и иерархическому делению общин митраистов. В настоящее время выходят новые книги и переиздаются работы классиков, посвященные римскому митраизму. Существуют также и электронные издания и Интернет-сайты, оращенные к этой проблеме. Таким образом, внимание к этой проблеме в научных кругах не угасает.

ИСТОКИ РИМСКОГО МИТРАИЗМА

Существуют различные гипотезы относительно происхождения римского культа Митры.

Плутарх в биографии Помпея указывает на киликийских пиратов как на носителей и распространителей митраизма в Европе. Согласно его жизнеописанию Помпея, в 67 году до нашей эры Помпей победил киликийских пиратов, союзных парфянам. После этого пираты перешли на службу к римскому государству, отличались честностью и преданностью своим владыкам. По сведениям Плутарха, именно от пиратов Киликии произошел римский митраизм. Вот что он говорит: «Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими» [Плутарх «Помпей» XXIV]. Таким образом, античные историки называют родиной римского митраизма Малую Азию. На этот же регион указывают и многие другие, часто косвенные, признаки. Так, частое появление имени Митридат в династиях Понта, Каппадокии, Армении и Коммагены, подложные генеалогии которых утверждают их связь с Ахеменидами, говорит о почитании этими царями Митры. Однако против этой версии говорит то, что культ Митры, который мог складываться в анатолийских монархиях до его прихода в Рим во времена Помпея, не оставил после себя памятников этого периода своего развития. Действительно, в этом регионе не было найдено ни одного храма того времени, посвященного Митре. Надписи же, упоминающие его имя, редки и малозначительны. Следует принять во внимание, что Плутарх писал о жизни Помпея в конце I в. н.э. и был уже под влиянием идей своего времени, поэтому дату появления культа брать по его работе необходимо осторожно. При этом ни одного археологического памятника по римскому митраизму, как и письменных упоминаний о Митре, датированного периодом ранее конца I в. н.э., мы не обнаруживаем[7].

В древности исследуемый культ носил название «мистерии Митры» или «мистерии персов». То, что римский Митра был персидским богом не только в восприятии или самоопределении верующих, очевидно. То, что он был тем же Митрой, что в Иране — также вероятно, хотя с этим и связано множество проблем. Был ли Митра перенесен вместе с уже выработанным культом? Было ли институционализированное почитание Митры перенесено с Востока на Запад? Совпадали ли концепция, функции, власть Митры в Иране и в Римской империи? Вот круг вопросов, на которые мы попытаемся ответить. Можно утверждать следующее. Во-первых, ученые по-прежнему не пришли к консенсусу. Во-вторых, в последние десятилетия баланс мнений сдвинулся в сторону идеи зарождения культа Митры на Западе. В-третьих, наблюдается отказ от теории поэтапного перехода митраизма с Востока на Запад.

То, что может быть названо теорией заимствования, было предложено основателем научного изучения митраизма Францем Кюмоном в 1899 г. Для него западный митраизм был романизированным маздаизмом, и оттого в своем ядре религией персидской, хотя и испытавшей идейные влияния на пути через Вавилонию, Анатолию, т.е. территории, подвергнувшиеся эллинизации.

В своей книге «Мистерии Митры» Кюмон замечает, что «в ту неизвестную эпоху, когда предки персов были все еще объединены с предками индусов, они уже поклонялись Митре». И в «Авесте», и в «Ведах» Митре воздавалась хвала. При этом, несмотря на различие религиозных систем, и индийский, и иранский Митра сохраняли столько сходных черт, что «нет сомнения в их общем происхождении»[8]. Митра был воспринят зороастрийской религиозной системой, однако он удостоился только степени язаты, хотя и первого среди них. В число Амшаспанд Митра не вошел. Тем не менее, Митре должны были воздаваться равные с самим Ахурамаздой почести. Существует также и множество имен-теофоров, подтверждающих значимость зороастрийского Митры. Во времена государства Ахеменидов «эрудированная и очищенная теология халдеев воздвиглась над примитивными маздаистскими верованиями, бывшими скорее собранием традиций, нежели хорошо установленным телом определенных догм. Легенды двух религий были совмещены, их божества — отождествлены, и семитское почитание звезд, чудовищный плод долговременных наблюдений, стал единым целым с природными мифами иранцев», — пишет Кюмон[9]. Впоследствии, примерно в III веке до нашей эры, данный культ проник западнее.

Так, митраизм закрепляется в Армении (где смешивается с местными примитивными верованиями), Каппадокии (где культ сохранялся еще в дни Страбона (ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24 н.э.)). Позднее он проникает в Галатию, Фригию и Лидию. Местные верования оказали влияние на развитие данного культа, сильнее всего в Армении. В эпоху эллинизма греки могли переводить на свой язык имена персидских божеств и придавать их культам некоторые формы собственных мистерий. Эллинистическое же искусство могло наделять язатов идеальным обликом. Философия, в частности, стоическая, старалась отыскать в традициях магов воплощение своих собственных физических и метафизических теорий. Несмотря на все эти компромиссы, адаптации и интерпретации, по своей сути культ Митры всегда оставался, как считает Кюмон, сочетанием маздаизма с верованиями халдеев и, вследствие этого, религией варварской в своей основе, менее эллинизированной, чем александрийский культ Исиды и Сераписа, или религии Великой Матери из Пессинунта[10].

Теория Кюмона основана на идее существования обособленного культа Митры. Однако, как замечает профессор Элизабет Мэри Бойс (1920-2006), специалист с мировым именем в изучении зороастризма, «удовлетворительных свидетельств, способных показать, что до Зороастра концепция сверхбога существовала среди иранцев, или среди них Митра – или любое другое божество – даже имевшее отдельный культ в рамках Зороастрийского пантеона, не обнаружено» [39][11]. Эта мысль делает теорию Кюмона о происхождении Митры от индоиранского сверхбога менее убедительной. В пользу восточного происхождения митраизма говорят и различные символические фигуры культа. Так, наличие в иерархии посвященных степени Перс (Perses – пятая степень в системе уровней инициированных в культе Митры), как считается, может быть свидетельством того, что прародина митраизма находилась на Востоке. К тому же, на многих фресках и рельефах Митра изображается в восточной одежде, почти везде на его голове присутствует фригийский колпак. В иконографических изображениях фигуры, интерпретируемой как Зурван (Зерван) – бог времени, заметны характерные восточные напластования. В ней как бы слились боги времени Зороастризма, сирийских культов, греческий Эон и египетский бог Серапис. Следует принимать во внимание то, что римский и иранский Митра имеют значительное сходство. Изменения в ходе стадийного перехода культа и божества с Востока на Запад очевидны. В ходе рассмотрения можно говорить о следующем.

Во-первых, главное свидетельство, на которое ссылаются многие ученые, изучавшие культ Митры – упомянутое выше свидетельство Плутарха о том, что «сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими» [Плутарх «Помпей» XXIV].

Вероятно, данные обряды были прототипом мистерий Митры. Во-вторых, Митра, отождествленный с греческим богом солнца Гелиосом, был одним из божеств синкретического Греко-иранского царского культа, созданного Антиохом, правителем небольшого государства Коммагены в середине I в. до н.э. Прямым прототипом культа Митры коммагенский культ не мог быть, однако утверждать, что он не оказал влияния на передачу митраизма на Запад, нельзя.

В-третьих, на данный момент археологических свидетельств существования промежуточных форм митраизма в древней Анатолии нет. Однако некоторые нетипичные для данного региона памятники делают возможным существование неких форм-прототипов, посредством которых Анатолия и Коммагена сыграли некоторую роль в передаче митраизма на Запад. И наконец, в-четвертых, в Сирии отсутствие прототипных форм митраизма достойно внимания. За исключением недавно обнаруженного митреума в Хуварти, остальные памятники соответствуют нормам западного митраизма или обладают небольшими вариациями. Более того, митреум в Хуварти датируется последним десятилетием IV в. н.э. Это говорит лишь о локальном преобразовании митраизма, а не о Сирии как о регионе, в котором западный митраизм мог формироваться.

Обращая внимание на более подробное выделение сходств между почитанием Митры в Иране и в Риме, следует обратить внимание на то, что их так много и они так систематичны и детальны, что случайность недопустима. Сторонники создания или нового рождения митраизма на Западе заявляют, что сходства чрезмерно поверхностны, чтобы отбрасывать вероятность случайных совпадений. В данном течении есть два основных направления. В рамках первого, замечая сходства с иранским митраизмом, описание культа, его происхождения, развития происходит исключительно в рамках Римской империи. Основным теоретиком данного направления является М. Клаус, он локализирует происхождение и разделение культа строго в к. I – начале II в. н.э. в Риме. Второе течение постулирует новое рождение митраизма действиями человека или группы людей,

близких иранской религии, в форме, соответствовавшей его западным аналогам в I в. н.э. Меркенбах, Нильсон предлагают происхождение основателей культа из восточной Анатолии. Бекк конкретизирует временную локализацию до династии Антиоха I Коммагенского [31].

Каковы же конкретно сходства между митраизмом римским и иранским? По мнению исследователей, в основном они касаются самого Митры или Митраса (именно так называли центральное божество митраизма в римских источниках). Во-первых, римский Митра отождествлялся с солнцем (*Deus Sol Invictus*), иранский Митра был богом света зари. По поводу превращения Митры в солнечное божество существуют разногласия. Во-вторых, иранский Митра был богом скота и пастбищ, римский Митра выступает в роли «похитителя скота» (так называл его Порфирий в своем трактате, так же его изображали на некоторых фресках), что является серьезным расхождением между ними. Иранский Митра был еще и покровителем дружеских связей и справедливости, о чем говорит и его имя, означающее «договор». В-третьих, римский Митра в качестве наиболее яркого проявления силы и власти жертвует быка; в то же время иранский Митра сам не был быкоубийцей, акт убийства быка фигурирует преимущественно в космологических сюжетах зороастризма. В первую очередь это был акт злого начала – Ариман убивает Быка творения. Но разрушительный акт был обращен в созидательный: из семени быка, очищенного луной, появляются домашние животные. Затем происходит событие, которое носит полностью положительный характер. Спаситель, Саошианта, жертвует быка, смешивает его жир с хаомой и готовит напиток телесного бессмертия. Митра-быкоубийца мог возникнуть либо в результате искажения сюжетов зороастризма в Риме, либо из иранских космологических и эсхатологических мифов, или сразу из обоих указанных источников. Некоторые композиционные моменты данной сцены резонируют с зороастрийскими: хвост быка превращается в колос пшеницы, а в иконографии присутствуют как солнце, так и луна. Классические тексты зороастризма, Пахлавийские тексты, особенно Бундахишна, несущая в себе зороастрийские космологические сюжеты, были записаны на несколько столетий позднее создания римских памятников митраизма. В них Митра не является убийцей быка во время акта творения. Таким образом, либо создатели западного митраизма сознательно изменили зороастрийские тексты, записанные позже в Пахлавийском варианте — либо они использовали незороастрийскую форму иранской

религии (маздаизма или иную), в настоящее время исчезнувшую без следа, в которой Митра являлся быкоубийцей. С другой стороны, есть вероятность, что прототипом центрального мифа митраизма был реликтовый отголосок ведической традиции, в которой Митра убивает бога Сому (иранский аналог – Хаома). Более убедительной, на наш взгляд, является гипотеза, согласно которой Митра-быкоубийца как концепция и изображение отражает иранскую идеологию жертвоприношения как созидательного акта, принятого богом.

При рассмотрении иконографии митраизма возникает проблема, которая усложняет все эти теории трансмиссии: как связать божества-близнецов Каутеса и Каутопатеса с львиноголовым богом? Составляют ли они часть теологического наследия Ирана? Близнецы могут иметь иранское происхождение, т.к. их имена действительно иранские. Сложнее всего интерпретировать леоцефала – львиноголового бога, и объяснить его появление. Существует несколько гипотез, две из них связаны с Ираном.

Первая, предложенная Кюмоном, отождествляет его с Зерваном, богом бесконечного времени и отцом и арбитром между богами добра - Ормуздом и зла - Ариманом. Тогда культ Митры становится безусловным наследником зерванитской ветви маздаизма. Вокруг иранского ядра могли накопиться атрибуты различных египетских и эллинистических божеств, в основном богов времени. Вторая гипотеза, впервые предложенная И.Ф. Легге, заключается в том, что леоцефал является Ариманом. В пользу этого говорит также и существование римского имени Ариманус, правда, никогда не встречавшегося в контексте львиноголового бога. Если последняя версия правдоподобна, то леоцефал заключал в себе исключительно негативную и злую природу, или же римские митраисты были в том числе и «дьяволопоклонниками». Сценарий трансмиссии, предложенный Кюмоном, в настоящее время оспаривается и пересматривается. Так, А.Д. Бивар утверждает, что западный митраизм был лишь одной из нескольких форм поклонения Митре, в античности распространенного на значительных территориях в Азии и Европе. Л.А. Кэмпбелл предполагает, что западный митраизм был калькой с зороастрийского маздаизма, хотя и испытавшей влияние греко-римских примесей, в значительной мере проработанной и детализированной. Начиная с различий между римским митраизмом и зороастрийским маздаизмом, наиболее очевидные из которых – разные верховные божества и акторы в сцене жертвоприношения быка, научное

изучение иранского почитания Митры обнаружило аналогии с митраизмом в дозороастрийской и незороастрийской иранской религии и за ее пределами в ведической религиозной системе. Сильная сторона тезиса о происхождении культа Митры из до- или незороастрийской иранской религии в том, что нет необходимости разработки трансформации зороастризма в культ Митры. Слабая сторона в том, что необходимо обосновывать существование в западном Иране ранней индоевропейской формы почитания Митры, готовой к легкой трансляции в римский митраизм (чему нет прямых доказательств).

Таким образом, нет единого мнения относительно происхождения Митры.

Наиболее популярной является гипотеза Франца Кюмона, выдвинутая еще в начале XX века. Однако со времен Массачусетского конгресса 1971 г., на котором она была впервые поставлена под сомнение, не прекращаются научные дискуссии и выдвигаются новые гипотезы о возможном происхождении римского культа Митры. В любом случае, каковой бы ни была прародина митраизма, налицо влияние восточных религиозных концепций и идей на его формирование. Если культ Митры действительно имеет восточное происхождение, то о нем можно говорить как о восточном культе, достигшем наибольшего влияния в Римской империи и в Европе в целом.

Примечания:

- [1] Volken M. The development of the cult of Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective – Lausanne, 2003 – p.4.
- [2] Beck R. The cult of Mithra as it developed in the West, its origins, its features, and its origin with Mithraism in Iran // The Circle of Ancient Iranian Studies [Internet resource: <http://www.cais-soas.com/CAIS/Religions/iranian/Mithraism/mithraism.htm>].
- [3] Иванов П.В. Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики) // Вестник Тамбовского государственного университета – 1998 Вып.1, сер. Гуманит.науки – с.78.
- [4] Иванов П.В. К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии // III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г. – Тамбов, 1995 – с. 69.
- [5] Ulansey D. The Cosmic Mysteries of Mithras // «Solving the Mithraic Mysteries» Biblical Archaeology Review [Internet resource: <http://www.well.com/user/davidu/mithras.html>].
- [6] Иванов П.В. Что такое митраизм? (к вопросу о необходимости междисциплинарных связей в науке) // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, Москва, 24 -28 мая 2005г.; 5 томов – М., 2005 – т.2 – с.551.
- [7] Vermaseren, M.J. Mithras, the Secret God – New York, 1963 – p.5.
- [8] Cumont F. The mysteries of Mithra [Internet resource: <http://www.sacred-texts.com/cla/mom/index.htm>].
- [9] Cumont F. The mysteries of Mithra [Internet resource: <http://www.sacred-texts.com/cla/mom/index.htm>].
- [10] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – с.189.
- [11] The Enciclopedia of Mithraism [Internet resource: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Mithraism>].

Літэратура:

1. Апулей, Л. *Метаморфозы* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.147-152
2. Плутарх. *Помпей* / пер Стратановского Г.А. // *Сравнительные жизнеописания*; 2 тома – М., 1994 – т.2
3. Тертуллиан, К. *О прескрипции еретиков* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.146-147
4. Цельс, *Правдивое слово* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.263-331
5. Бонгард-Левин Г.М. *Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика* // *Вестник древней истории* – 2004 №1 – с.125-158
6. Ван-дер-Варден Б.Л. *Культ Митры и солнечная теология* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.297-313
7. Вебер М. *Социология религии* // М. Вебер. *Избранное: образ общества* – Мн., 1994. – С. 86-98
8. Глоба П.П. *Митра – Бог Света и Разума* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.3-100
9. Глоба П.П. *Да пребудет с нами Огонь Веры!* // *Митра. Зороастрийский журнал* [Интернет ресурс: <http://globaastra.ru/biblio-mithra-0-0.htm>]
10. Говард М. *Сучасная культурная антрапалогія* – Мн., 1995
11. Джонс Х.С. *Митраизм* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.267-296
12. Иванов П.В. *Сотериологические аспекты митраизма* // *Образ рая: от мифа к утопии* – 2003 Вып.31, серия «Symposium» – с.83-86
13. Иванов П.В. *Что такое митраизм? (к вопросу о необходимости междисциплинарных связей в науке)* // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, Москва, 24 -28 мая 2005г.; 5 томов* – М., 2005 – т.2 – с.551 –552
14. Иванов П.В. *Мифологические представления итальянских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики)* // *Вестник Тамбовского государственного университета* – 1998 Вып.1, сер. Гуманит.науки – с.76–83.
15. Иванов П.В. *Маскулинность и феминность в ориентальных мистериях поздней античности (II - IV вв. н.э.)* // *От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 20 апреля 2001г.* – Тамбов, 2001. – с.22-26.
16. Иванов П.В. *Распространение митраизма как проявление маскулинных тенденций в религиозной жизни поздней Римской империи* // *Вестник Тамбовского государственного университета* – 2004 Вып.4, сер. Гуманит.науки – с.64-66.
17. Иванов П.В. *Меркурий (Гермес) в культовой идеологии митраизма* // *III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г.* – Тамбов, 1998 – с.73.
18. Иванов П.В. *Sol Invictus (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии* // *III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г.* – Тамбов, 1999 – с.81.